

Kunstgeschichte: »Das Land unserer Hoffnung«

Aus: Ausgabe vom 02.05.2025 (<https://www.jungewelt.de/2025/05-02/index.php>),

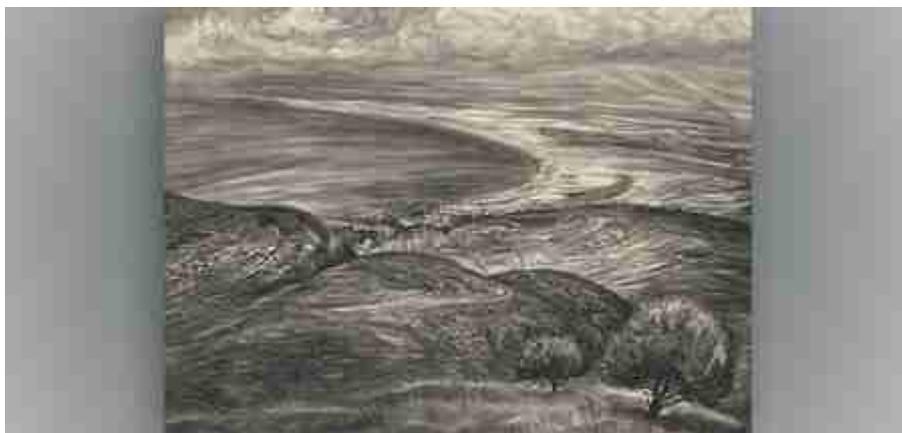
Seite 12 / Thema

Kunstgeschichte

»Das Land unserer Hoffnung«

Die Künstlerin Lea Grundig konnte sich 1940 ins Exil nach Palästina retten – dem Staat Israel stand sie kritisch gegenüber.

Von Cristina Fischer

VG Bild-Kunst Bonn. Courtesy Schirmer/Mosel Lea Grundig: »Blick auf Haifa mit dem Mittelmeer«, Zeichnung (1948)

Lea Grundig (1906–1977) war 1938 verhaftet worden, weil sie ein Quartier für ihren als KPD-Abschnittsleiter illegal tätigen Cousin Hans Dankner besorgt hatte; sie wurde wegen Vorbereitung zum Hochverrat angeklagt. Die Gefängnisstrafe, zu der sie dann 1939 verurteilt wurde, war durch die Untersuchungshaft verbüßt, aber die Gestapo ließ sie nicht frei, sondern drohte mit dem Konzentrationslager Ravensbrück. In letzter Minute wurde die Malerin und Grafikerin durch das Palästina-Amt der »Jewish Agency« befreit und von der Gestapo über Prag nach Wien verbracht. So gelangte sie 1940 in das Flüchtlingslager »Patronka« bei Bratislava. Mit dem Schrottschiff »Pacific« fuhr sie weiter nach Haifa und wurde als Gefangene der Engländer auf den Passagierdampfer »Patria« zur weiteren Deportation nach Mauritius umquartiert. Am 25. November 1940 sprengten jedoch Mitglieder der zionistischen Untergrundorganisation Haganah ein Leck in das Schiff,

История искусств: «Земля нашей надежды»

Из: [Выпуск от 2 мая 2025 г. \(https://www.jungewelt.de/2025/05-02/index.php\)](https://www.jungewelt.de/2025/05-02/index.php) ,

Страница 12 / Тема

История искусств

«Земля нашей надежды»

Художнице Лее Грундиг удалось бежать в Палестину в 1940 году. Она критиковала Государство Израиль.

Кристина Фишер

VG Bild-Kunst Бонн. Предоставлено Ширмер/Мозель Леа Грундиг: «Вид на Хайфу со Средиземным морем», Рисунок (1948)

Леа Грюндиг (1906–1977) была арестована в 1938 году за то, что она организовала проживание для своего кузена Ганса Данкнера, который нелегально работал руководителем секции КПГ; Ее обвинили в подготовке к совершению государственной измены. Тюремное заключение, к которому она была приговорена в 1939 году, она отбывала в предварительном заключении, однако гестапо не освободило ее и пригрозило ей концентрационным лагерем Равенсбрюк. В последнюю минуту художник и график был освобожден Палестинским офисом Еврейского агентства и доставлен гестапо через Прагу в Вену. В 1940 году она оказалась в лагере беженцев «Патронка» под Братиславой. Она продолжила путь в Хайфу на судне-сборнике «Pacific» и была переведена в качестве пленницы англичанами на пассажирский пароход «Patria» для дальнейшей депортации на Маврикий. Однако 25 ноября 1940 года члены сионистской подпольной организации «Хагана» устроили течь на судне,

das daraufhin kenterte. Mehr als 250 Menschen starben, Lea Grundig und andere Überlebende mussten als Schiffbrüchige an Land gebracht werden.

Auf diese dramatische Weise betrat sie das britische Mandatsgebiet Palästina. Fast ein Jahr wurde sie als »illegale Einwanderin« im Flüchtlingslager Atlit festgehalten. Eine ehemalige Internierte beschrieb die Situation dort so: »Es gab Baracken und riesige Zelte. Das Essen, die Baracken, die Latrinen und die Waschanlagen fühlten sich an wie ein Konzentrationslager. Wir wurden nie geschlagen oder so, aber es war ziemlich schlimm.«¹

Nach ihrer Entlassung lebte Lea Grundig erst bei der Familie ihrer Schwester in Haifa, später bei ihrem Vater in Tel Aviv. Sie begann Hebräisch zu lernen und konnte sich bald gut verständigen. Sie musste sich ihr Leben neu aufbauen, aber da sie jung, gesund und tatkräftig war, gelang ihr das überraschend schnell.

Zweifelhafte Forschung

Bereits 2014 hatte die Rosa-Luxemburg-Stiftung (RLS) eine Ausstellung und ein internationales Symposium zum Thema »Never passive! – Lea Grundig in Palestine, 1940–1948« im Igal-Presler-Museum in Tel Aviv organisiert. Dort sprachen unter anderem Maria Heiner, die einstige Ärztin und Freundin Grundigs, der Kunsthistoriker Eckhart Gillen (Berlin), der Kunsthistoriker Oliver Sukrow (München) und Abed Abdi (Haifa), ehemaliger Meisterschüler der Künstlerin in Dresden. Zum Symposium erschien ein sehr schöner zweisprachiger Katalog »Von Dresden nach Tel Aviv. Lea Grundig 1933–1948« mit Beiträgen von Angelika Timm und Gideon Ofrat.

Der neue Begleitband zur Ausstellung »Ellen Auerbach und Lea Grundig – Zwei Künstlerinnen in Palästina« im Museum Eberswalde (lief bis zum 27. April 2025) versucht den aktuellen Forschungsstand zum Thema abzubilden.² Die Hauptbeiträge stammen von Zohar Shavit, einer emeritierten Professorin für Semiotik und Kulturforschung an der Universität Tel Aviv, sowie von der Berlinerin Kathleen Krenzlin, die seit 2018 mit der Edition des Briefwechsels von Hans und Lea Grundig

который затем перевернулся. Погибло более 250 человек, Лею Грюндиг и других выживших пришлось доставить на берег как потерпевших кораблекрушение.

Таким драматическим образом она вошла в состав британского мандата в Палестине. Почти год ее держали в лагере беженцев Атлит как «нелегальную иммигрантку». Бывший интернированный описал ситуацию там следующим образом: «Там были бараки и огромные палатки. Еда, бараки, туалеты и душевые были похожи на концентрационный лагерь. Нас никогда не избивали или что-то в этом роде, но было довольно плохо».¹

После освобождения Леа Грюндиг сначала жила с семьей сестры в Хайфе, затем с отцом в Тель-Авиве. Она начала изучать иврит и вскоре смогла хорошо общаться. Ей пришлось заново строить свою жизнь, но поскольку она была молода, здорова и энергична, ей удалось сделать это на удивление быстро.

Сомнительное исследование

В 2014 году Фонд Розы Люксембург (РЛС) организовал выставку и международный симпозиум на тему «Никогда не будьте пассивны!» – Леа Грюндиг в Палестине, 1940–1948» в музее Игаля Преслера в Тель-Авиве. Среди выступавших были Мария Хайнер, бывший врач и друг Грюндига, историк искусства Экхарт Гиллен (Берлин), историк искусства Оливер Сукров (Мюнхен) и Абед Абди (Хайфа), бывший ученик художника в Дрездене. К симпозиуму был издан прекрасный двуязычный каталог «От Дрездена до Тель-Авива». Леа Грюндиг 1933–1948» при участии Ангелики Тимм и Гидеона Офрата.

Новый сопроводительный том к выставке «Эллен Ауэрбах и Леа Грюндиг – Две художницы в Палестине» в Музее Эберсвальде (продлится до 27 апреля 2025 года) пытается представить современное состояние исследований по этой теме.² Основные вклады внесли Зохар Шавит, почетный профессор семиотики и культурологии Тель-Авивского университета, и Кэтлин Кренцлин из Берлина, которая работала над изданием переписки Ганса и Леи Грюндиг с 2018 года.

beschäftigt ist.³ Weiterhin berichtet Rina Offenbach, bis 2022 Leiterin der Forschungsabteilung der Gedenkstätte Atlit, über »Lea Grundigs dramatische Flucht von Bratislava nach Haifa«.

Maria Heiner ist nur mit einem chronologischen Überblick zum Leben der Künstlerin vertreten. Sie hatte seit 2008 Kinderbücher mit Illustrationen Grundigs aus dem Exil zusammengetragen und das Resultat ihrer Recherchen der Öffentlichkeit unter anderem in Berlin, Frankfurt am Main, Dresden sowie Celle vorgestellt und auch selbst darüber referiert.⁴ Außerdem hat sie 2016 in der Reihe »Jüdische Miniaturen« im Verlag Hentrich & Hentrich eine biographische Skizze über Lea Grundig veröffentlicht.

Zohar Shavit, Spezialistin vor allem für Kinderliteratur, scheint mit Grundig noch nicht allzu lange vertraut zu sein, denn in dem Band gesteht sie: »Je mehr ich mich mit der Biographie von Lea Grundig beschäftigte, um so rätselhafter und komplexer wurde ihre Person.«

»Rätselhaft« erscheint ihr und anderen vor allem die Tatsache, dass Lea Grundig Kommunistin war und blieb, und dass sie sich dem Sozialismus in der DDR zeitlebens verpflichtet fühlte. Dass sie Dresden und Ostdeutschland als ihre Heimat betrachtete, obwohl sie doch als Jüdin diese Heimat in Palästina (»Eretz Israel«) hätte finden müssen. Und dass sie mit ihrem Lebens- und Seelengefährten Hans Grundig bis zu dessen Tod verbunden blieb, obwohl sie fast zehn Jahre lang von ihm getrennt wurde.

Shavit urteilt, es handele sich bei ihr um »eine widersprüchliche Persönlichkeit, deren starke Gegensätze nicht miteinander vereinbar zu sein scheinen«, und fährt mit dem etwas zwiespältigen Lob fort: »Als Künstlerin war sie zielstrebig, wenn es darum ging, sich voranzubringen.« Sie habe den Kontakt zu einflussreichen Persönlichkeiten gesucht und sei »fast überall anwesend« gewesen, »wo etwas Wichtiges stattfand«. Das klingt, als sei sie nicht bloß »zielstrebig« oder »ehrgeizig«, sondern eine Karrieristin gewesen.

Shavit hat über hundert bisher unausgewertete Briefe der Künstlerin im Archiv des Gnazim-Instituts in Tel Aviv gefunden, die sie deren »authentische« Stimme« nennt, die sie erhob, »während die Ereignisse stattfanden«. Und zwar im Gegensatz zu den »verschiedenen

работает.³ Рина Оффенбах, руководитель исследовательского отдела Мемориала Атлит до 2022 года, также сообщает о «драматическом побеге Леи Грундиг из Братиславы в Хайфу».

Мария Хайнер представлена только в хронологическом порядке жизни художницы. С 2008 года она собирала детские книги с иллюстрациями Грюндига из его изгнания и представляла результаты своих исследований публике в Берлине, Франкфурте-на-Майне, Дрездене и Целле и других местах, а также сама читала по ним лекции.⁴ В 2016 году она также опубликовала биографический очерк Леи Грюндиг в серии «Еврейские миниатюры», изданной издательством Hentrich & Hentrich.

Зохар Шавит, специалист по детской литературе, судя по всему, была знакома с Грундиг относительно недолгое время, поскольку признается в своей книге: «Чем больше я углублялась в биографию Леи Грундиг, тем загадочнее и сложнее становилась ее личность».

Ей и другим кажется «загадочным» прежде всего тот факт, что Лея Грюндиг была и оставалась коммунисткой и что на протяжении всей своей жизни она чувствовала приверженность социализму в ГДР. Что она считала Дрезден и Восточную Германию своим домом, хотя как еврейка она должна была найти этот дом в Палестине («Эрец Исраэль»). И что она оставалась связанной со своим другом и родственным душой Хансом Грундигом до самой его смерти, хотя она была разлучена с ним почти десять лет.

Шавит считает, что она «противоречивая личность, чьи сильные противоположности кажутся непримиримыми», и продолжает с несколько неоднозначной похвалой: «Как художник, она была решительна, когда дело доходило до
Она стремилась к общению с влиятельными личностями и «присутствовала почти везде», «где бы ни происходило что-то важное». Похоже, она была не просто «решительной» или «амбициозной», а карьеристкой.

Шавит нашла в архивах Института Гназим в Тель-Авиве более сотни ранее не исследованных писем художницы, которые она называет ее «подлинным голосом», который она произнесла «во время происходящих событий». В отличие от «различных

Narrativen« über ihr Exil in Palästina, die sämtlich »eine voreingenommene Sicht« darbieten – Grundigs eigene, 1958 unter dem Titel »Gesichte und Geschichte« veröffentlichten Erinnerungen eingeschlossen. Bei dieser Art der Konstruktion von »Authentizität« ist freilich Vorsicht geboten, denn sie unterstellt, dass das Urteil eines Menschen nur unmittelbar während oder nach einem Vorkommnis gültig sein kann, wodurch fast jede gedankliche Verarbeitung und Neubewertung ausgeschlossen wäre.

Shavit kann nicht erklären, warum Lea Grundig als Künstlerin in Palästina zwar dank ihres (offenbar übertriebenen) Ehrgeizes »anerkannt« wurde, jedoch »weder dazugehörte noch nicht dazugehörte« – sie sei »Exilantin im eigenen Land« geblieben. Im Exil habe man sie in erster Linie als Kommunistin gesehen, in der DDR dagegen in erster Linie »als jüdische Künstlerin, die vorrangig zu jüdischen Themen arbeitete«. Das sind essayistische Formeln, die auf oberflächlichen Urteilen beruhen und kaum näherer Betrachtung standhalten. Übrigens ist der israelische Kunsthistoriker Gideon Ofrat im 2014er Katalog der RLS teilweise zu gegensätzlichen Schlüssen gelangt.

Grundigs Ausstellungen

Shavit berichtet ausführlich über die Ausstellungen Lea Grundigs in Palästina und deren Resonanz: Eine erste Auswahl ihrer Zeichnungen wurde bereits im Waschraum des Flüchtlingslagers Atlit gezeigt. Kaum in Haifa angekommen, konnte sie Ende Oktober 1941 von der Organisation der deutschen Auswanderer Raum für eine »richtige« Ausstellung bekommen. Man wusste, dass sie zu den Überlebenden der »Patria«-Katastrophe gehörte, was ihr von vornherein öffentliches Interesse sicherte.

Grundig selbst erklärte ihren Erfolg als Künstlerin in Palästina mit ihrer Stellungnahme zu den aktuellen politischen Ereignissen: »Seltsamerweise hatte niemand vorher Ähnliches gezeigt. Überhaupt gab es keine so unmittelbare, politische Aussage. Es war fast unbegreiflich, dass keiner der vielen und begabten Künstler die ungeheuerlichen Ereignisse, die die ganze Welt in ihren Fundamenten

«Рассказы» о ее изгнании в Палестину, все из которых представляли «предвзятый взгляд» – включая собственные мемуары Грюндиг, опубликованные в 1958 году под названием «Gesichte und Geschichte» (Лица и история). Однако такой тип построения «подлинности» требует осторожности, поскольку он предполагает, что суждение человека может быть верным только непосредственно во время или после события, что исключает практически любую умственную обработку и переоценку.

Шавит не может объяснить, почему Леа Грюндиг была «признана» как художница в Палестине благодаря ее (очевидно, чрезмерным) амбициям, но «ни принадлежала, ни не принадлежала» – она оставалась «изгнанницей в своей собственной стране». В изгнании ее воспринимали в первую очередь как коммунистку, тогда как в ГДР ее воспринимали в первую очередь как «еврейскую художницу, работавшую преимущественно на еврейские темы». Это эссеистические формулы, основанные на поверхностных суждениях, которые вряд ли выдерживают более глубокую проверку. Кстати, израильский историк искусства Гидеон Офрат в каталоге RLS 2014 года пришел к отчасти противоречивым выводам.

Выставки Грюндига

Шавит подробно рассказывает о выставках Леи Грюндиг в Палестине и об их реакции: Первая подборка ее рисунков уже была показана в туалете лагеря беженцев Атлит. Едва она прибыла в Хайфу, как в конце октября 1941 года ей удалось получить от Немецкой эмигрантской организации место для «настоящей» выставки. Было известно, что она была одной из выживших в катастрофе «Патрии», что с самого начала обеспечило ей общественный интерес.

Сама Грюндиг объяснила свой успех как художника в Палестине своим заявлением о текущих политических событиях:

»Как ни странно, никто ничего подобного раньше не показывал. Такого прямого политического заявления вообще не было. Было почти непостижимо, что ни один из многочисленных и талантливых художников не смог описать чудовищные события, потрясшие весь мир до основания.

erschütterte, darzustellen versuchte. Ihre Vorstellungen vom Schönen und von der Kunst waren bürgerlich. (...) Ich war großgeworden mit Käthe Kollwitz und mit Dix und Masereel.«⁵

Ihre erste Ausstellung in Tel Aviv folgte im Februar 1942 in der Galerie Katz unter dem Titel »In unseren Tagen«, wo sie unter anderem farbige Zeichnungen über »Noahs Arche« zeigte, die einem Kritiker wegen ihrer »lively imagination and a nice sense of humour« auffielen. Lea Grundig erinnerte sich, die Ausstellung habe großen Erfolg gehabt, die Zeitungen hätten darüber berichtet, und sie habe dadurch »mit einem Schlag viele wichtige Menschen« kennengelernt. Außerdem ergaben sich Aufträge für hebräische Kinderbücher, insgesamt mehr als zwanzig illustrierte sie damals und konnte sich so wenigstens zum Teil ihren Lebensunterhalt verdienen.

In den acht Jahren ihres Exils hatte sie insgesamt zwölf Einzel- und neun Gruppenausstellungen, auch in den angesehensten Galerien und Museen, wie im Museum Tel Aviv. Zeitungen berichteten über sie, Kunstkritiker lobten ihren »einzigartigen Stil«, in dem sie »realistische mit symbolischen Elementen verband«, manche kritisierten sie. Sie hielt sich als Stipendiatin mindestens dreimal für längere Zeit im Künstlerhaus Beth Daniel auf.

Lea Grundig war »eine der ersten Künstlerinnen, die den Flüchtlingen und Opfern der Schoah eine Stimme gab«, etwa in der Bilderserie »In the Valley of Slaughter« (1944), die in Palästina, Großbritannien sowie den USA gezeigt wurde und 1945 als Buch erschien (1947 auch auf Deutsch in Dresden: »Im Tal des Todes«). Die Tuschzeichnungen wurden von Oskar Kokoschka in einer britischen Zeitung mit den Worten gelobt, sie würden »an die Gewaltigkeit eines Beckmann, an eine Käthe Kollwitz erinnern in ihrer Tragik, und in ihrer Volkstümlichkeit an den lieben Berliner Zille«.⁶

Ihre letzte Ausstellung fand 1948 in der Galerie Jonas in Jerusalem statt. Durch die Verkäufe konnte sie das notwendige Geld für ihre geplante Rückkehr nach Deutschland aufbringen. Grundig resümierte ihren Aufenthalt in Palästina selbstbewusst: »Ich hatte mich als Künstlerin durchgesetzt.«

шокирован, попытался изобразить. Их представления о красоте и искусстве были буржуазными. (...) Я выросла с Кете Кольвиц, Диксом и Мазерелем.»⁵

Ее первая выставка в Тель-Авиве состоялась в феврале 1942 года в галерее Каца под названием «В наши дни», где она показала, среди прочего, цветные рисунки «Ноева ковчега», которые привлекли внимание одного критика своим «живым воображением и прекрасным чувством юмора». Леа Грюндиг вспоминала, что выставка имела большой успех, что о ней писали газеты, и что она встретила «многих важных людей одновременно». Она также получала заказы на детские книги на иврите; В то время она проиллюстрировала более двадцати из них и таким образом смогла заработать хотя бы часть своего пропитания.

За восемь лет изгнания у нее состоялось в общей сложности двенадцать персональных и девять групповых выставок, в том числе в самых престижных галереях и музеях, таких как Тель-Авивский музей. О ней писали газеты, художественные критики хвалили ее «уникальный стиль», в котором она «сочетала реалистичные и символические элементы», в то время как некоторые ее критиковали. Будучи стипендиатом, она по меньшей мере трижды останавливалась в Доме художников Бет Дэниел на продолжительное время.

Леа Грюндиг была «одним из первых художников, давших голос беженцам и жертвам Холокоста», например, в серии картин «В долине резни» (1944), которая была показана в Палестине, Великобритании и США и издана в виде книги в 1945 году (также на немецком языке в Дрездене в 1947 году: «Im Tal des Todes»). Оскар Кокошка похвалил рисунки тушью в британской газете, написав, что они «напоминают мощь Бекмана, трагедию Кете Кольвиц и простоту милой берлинец Цилле».

Ее последняя выставка состоялась в 1948 году в галерее Йонаса в Иерусалиме. Благодаря продажам ей удалось собрать необходимые деньги для запланированного возвращения в Германию. Грюндиг уверенно подвела итог своему пребыванию в Палестине: «Я утвердила себя как художник».

Freunde und Bekannte

Um ihre Befindlichkeit und ihr Verhalten im Exil richtig beurteilen zu können, muss man bedenken, was sie von 1933 bis 1940 in Deutschland durchgemacht hatte. Die von den Nazis als Jüdin stigmatisierte Kommunistin hatte, wie es im Lied heißt, »sieben dunkle Jahre überstehen« müssen. Weder Beleidigungen und Demütigungen, noch materielle Not und monatelange Haft, noch Schläge und Todesdrohungen waren ihr erspart geblieben. Schließlich hatte sie sich von ihrem geliebten Mann, ihren Freunden und von ihrem Vaterland trennen müssen. Da sie all das gesundheitlich und psychisch weitgehend intakt überstanden hatte, stürzte sie sich in ihrer neuen Heimat voller Begeisterung in das soziale Leben, das ihr so lange versperrt geblieben war.

Zu ihren deutschen Freunden im Exil gehörten der Dichter Louis Fürnberg und dessen Frau Lotte (Jerusalem), der Schriftsteller Arnold Zweig und dessen Frau Beatrice (Haifa) und der Journalist Rudolf Hirsch (Tel Aviv), der später in der DDR vor allem durch seine Gerichtsberichte in der *Woche* bekannt war. In Tel Aviv lernte Lea Grundig den Fotografen Helmar Lerski und dessen Frau kennen, die sie als Ersatzeltern betrachtete. Sie befreundete sich mit der vier Jahre älteren Dichterin Anda Pinkerfeld-Amir, die vor allem für Kinder schrieb, mit der österreichischen Autorin Rose Wuhl und mit der Galeristin Lotti Jonas.

Ihren Kontakt zu Salman Rubaschow (Salman Schasar), seit 1944 Chefredakteur der sozialistisch-zionistischen Tageszeitung *Davar*, 1949/50 erster Erziehungsminister Israels, und dessen Frau Rachel Katznelson, Chefredakteurin des Magazins *Dvar Hapoelet* (Wort der Arbeiterin), erklärt Lea Grundig ganz einfach damit, dass sie in Tel Aviv in deren Nähe gewohnt habe.

Anhand der in Israel überlieferten Korrespondenz weist Zohar Shavit nach, dass sich die Künstlerin an verschiedene Bekannte und auch ihr noch unbekannte Persönlichkeiten wandte, um sie um Hilfe und

Чтобы правильно оценить ее душевное состояние и поведение в изгнании, нужно учесть, что она пережила в Германии с 1933 по 1940 год. Коммунистке, заклеившей нацистами как еврейке, пришлось, как поется в песне, «пережить семь темных лет». Ее не обошли стороной ни оскорбления и унижения, ни материальные лишения и месяцы тюремного заключения, ни побои и угрозы смертью. Ведь ей пришлось расстаться с любимым мужем, друзьями и родиной. Пережив все это и сохранив в целом хорошее физическое и психическое здоровье, она с энтузиазмом окунулась в общественную жизнь в своем новом доме, который так долго был для нее закрыт.

Среди ее немецких друзей в изгнании были поэт Луи Фюрнберг и его жена Лотте (Иерусалим), писатель Арнольд Цвейг и его жена Беатрис (Хайфа) и журналист Рудольф Хирш (Тель-Авив), который позже стал известен в ГДР, особенно своими судебными репортажами в *Еженедельный пост* было известно. В Тель-Авиве Леа Грюндиг познакомилась с фотографом Хельмаром Лерски и его женой, которых она считала своими приемными родителями. Она подружилась с поэтессой Андой Пинкерфельд-Амир, которая была на четыре года старше и писала в основном для детей, с австрийской писательницей Розой Вуль и с галеристкой Лотти Йонас.

Ваш контакт с Салманом Рубашовым (Салманом Шазаром), с 1944 года главным редактором социал-сионистской ежедневной газеты *Давар*, 1949/50 первый министр образования Израиля, и его жена Рахель Кацнельсон, главный редактор журнала *Двар Хапоэлет* (Слово работника) Леа Грюндиг объясняет это просто, говоря, что она жила недалеко от них в Тель-Авиве.

Зоар Шавит, основываясь на сохранившейся в Израиле переписке, показывает, что художница обращалась к разным знакомым, а также к незнакомым ей людям с просьбой о помощи и

Unterstützung bei ihren Ausstellungsprojekten zu bitten («sie konnte sehr bestimmend sein»). Shavit hält das für eine »außergewöhnliche, wenn nicht sogar überraschende Gabe«, obwohl sich dieser Wunsch nach Kooperation doch aus den Umständen ergab und in den Jahren vor der Gründung Israels sicherlich nirgends unangemessen wirkte: Fast alle Eingewanderten hatten ihre Existenzgrundlage sowie ihr Familien- und Freundesnetzwerk verloren, mussten von vorn anfangen oder sich beruflich neu orientieren.

Shavit lässt sich außerdem über Grundigs dreijährige Partnerschaft mit dem Zinkographen Nachum Eitan (auch: Itin) aus, die sie ihrer Ansicht nach in Israel festhielt und sie zögern ließ, zu Hans Grundig zurückzukehren, von dem sie, um auswandern zu können, offiziell geschieden worden war. Doch löste die Künstlerin die Beziehung, als sie im Juli 1946 den ersten Brief von ihrem Mann bekam und erfuhr, dass auch er sie nach wie vor liebte.

In ihren Erinnerungen berichtet sie darüber, wie sie 1945 eine Postkarte des gemeinsamen Freundes Kurt Junghanns erhielt, der ihr mitteilte, dass Hans Grundig bald aus der Sowjetunion nach Dresden zurückkehre: »Ich las das kleine Stück Papier«, schreibt sie, »und plötzlich wankte und bewegte sich alles um mich. Hier war es, die andere Welt, mein gelebtes Leben, meine Liebe, meine Heimat. Mich erschütterte ein Sturm von fassungsloser Freude und Staunen. (...) Der Ruf aus meinem anderen Leben hatte mich erreicht. Mein Schiff schwamm nicht mehr ohne Kompass.«

Zu dem erst Monate später folgenden ersten Brief ihres Mannes merkt sie an: »Trennen konnten sie uns wohl, aber niemals uns voneinander lösen. Und nun wurde es wieder ein langer, bitterer Kampf, zu ihm zu gelangen, zu dem ich gehörte.« Bedenken ihrer Freunde, dass inzwischen eine Entfremdung zwischen ihr und Hans entstanden sei, habe sie lächerlich gefunden: »So ein Gedanke war mir überhaupt niemals, nicht eine Sekunde lang gekommen.«

просить о поддержке в ее выставочных проектах («она могла быть очень настойчивой»). Шавит считает это «чрезвычайным, если не удивительным даром», хотя это стремление к сотрудничеству возникло из обстоятельств и, безусловно, не казалось неуместным в годы, предшествовавшие основанию Израиля: почти все иммигранты лишились средств к существованию, семейных и дружеских связей, им пришлось начинать все заново или переориентироваться в профессиональной сфере.

Шавит также рассказывает о трехлетнем партнерстве Грюндига с цинкографом Нахумом Эйтаном (также: Итин), которое, по ее мнению, удерживало ее в Израиле и мешало ей возвращаться к Гансу Грюндигу, с которым она официально развелась, чтобы иметь возможность эмигрировать. Однако художница прекратила отношения, получив в июле 1946 года первое письмо от мужа и узнав, что он все еще любит ее.

В своих мемуарах она рассказывает, как в 1945 году получила открытку от их общего друга Курта Юнгхансса, который сообщил ей, что Ганс Грюндиг скоро вернется в Дрезден из Советского Союза: «Я прочитала небольшой листок бумаги, — пишет она, — и вдруг все вокруг меня закачалось и зашевелилось. Вот он, другой мир, моя прожитая жизнь, моя любовь, мой дом. Меня охватила буря ошеломляющей радости и изумления. (...) Зов из моей другой жизни достиг меня. Мой корабль больше не плыл без компаса».

Относительно первого письма мужа, пришедшего несколько месяцев спустя, она заметила: «Они могли разлучить нас, но они никогда не смогли бы разлучить нас друг с другом. И теперь мне снова пришлось долго и упорно бороться, чтобы вернуться к нему, которому я принадлежала». Она считала смехотворными опасения своих друзей по поводу того, что между ней и Гансом возникло отчуждение: «Такая мысль никогда даже не приходила мне в голову, ни на секунду».

VG Bild-Kunst Bonn. Courtesy Schirmer/Mosel Lea Grundig: »Melkerin (Ruth)«, Zeichnung (1946)

Sie informierte ihren Mann über ihre Liaison und betonte, dass sie Eitan nie im unklaren darüber gelassen habe, dass sie bereits emotional gebunden war, wie Kathleen Krenzlin in ihrem Beitrag erläutert. Krenzlin zeigt sich einigermaßen konsterniert über die Ignoranz ihrer israelischen Kollegin, die weder die Korrespondenz noch den Nachlass im Archiv der Akademie der Künste ausgewertet hatte.

Shavit weist darauf hin, dass Grundig ihren Freund Nachum Eitan nicht in ihren Erinnerungen erwähnt, ja ihn »verleugnet« habe. Krenzlin wiederum zitiert aus Texten, die Gründe dafür im Verhalten des Mannes vermuten lassen. Sie informiert auch darüber, dass Hans und Lea Grundig von 1946 bis Anfang 1949 rund 200 Briefe wechselten, die zum Teil wochenlang unterwegs waren, manche Sendungen gingen verloren (oder wurden gestohlen).

Sie zitiert außerdem aus einem Brief des Dramatikers Max Zweig, eines Großcousins von Stefan Zweig, der sich in Lea Grundig verliebt hatte, und mit dem sie 1948 in Tel Aviv eine in dessen Worten »sehr herzliche Freundschaft« (oder mehr) verband. Interessant ist in dem Zusammenhang, dass die Künstlerin über diesen Verehrer sehr wohl, sogar recht ausführlich, in ihren Erinnerungen schreibt, wenn auch ohne seinen Namen zu nennen.

Shavit ist überzeugt, dass Grundigs Haltung zu Deutschland nach dem Krieg »von Ablehnung geprägt« gewesen sei, »so dass sie die Entscheidung, nach Deutschland und zu Hans zurückzukehren, schweren Herzens und erst nach langem Zögern« getroffen habe. Die Erinnerungen der Künstlerin sprechen eine andere Sprache.

VG Bild-Kunst Бонн. С разрешения Ширмер/Мозель Леа Грундиг: «Доярка (Рут)», рисунок (1946)

Она сообщила мужу об их романе и подчеркнула, что никогда не оставляла Эйтана в неведении относительно того, что она уже была эмоционально предана ему, как объясняет Кэтлин Кренцлин в своей статье. Кренцлин, по-видимому, несколько обескуражена невежеством своего израильского коллеги, который не оценил ни переписку, ни имущество в архиве Академии художеств.

Шавит отмечает, что Грундиг не упомянула в своих мемуарах ее друга Нахума Эйтана и даже «отреклась» от него. Кренцлин, в свою очередь, приводит цитаты из текстов, которые указывают на причины такого поведения мужчины. Она также сообщает нам, что в период с 1946 по начало 1949 года Ганс и Леа Грундиг обменялись примерно 200 письмами, некоторые из которых доставлялись в течение нескольких недель, а некоторые были утеряны (или украдены).

Она также цитирует письмо драматурга Макса Цвейга, двоюродного брата Стефана Цвейга, который влюбился в Лею Грундиг и с которым у нее, по его словам, была «очень теплая дружба» (или даже больше) в Тель-Авиве в 1948 году. Интересно в этом контексте то, что художница действительно пишет об этом поклоннике, причем довольно подробно, в своих мемуарах, хотя и не называя его имени.

Шавит убежден, что отношение Грундиг к Германии после войны было «отмечено отторжением», поэтому «она приняла решение вернуться в Германию к Гансу с тяжелым сердцем и только после долгих колебаний». Воспоминания художника говорят на другом языке.

Kommunistin in Nahost

Im Ausstellungskatalog werden die Mitgliedschaft Lea Grundigs in der Kommunistischen Partei Palästinas und ihre Beziehungen zu Genossen so gut wie gar nicht beleuchtet. In ihren Memoiren zählte die Künstlerin ihre Freundinnen in der KP auf – Hanna Feldmann, die Schwestern Rahel und Ruth, die Sozialfürsorgerin Esther. »Wir kamen viel und regelmäßig zusammen, wir waren in einer Parteigruppe. (...) Ich weiß, sie vergessen mich nicht, wie ich sie nicht vergessen kann, die vier Frauen ...«

Sie erwähnt außerdem den damaligen Generalsekretär der KP, Samuel Mikunis, und berichtet über ihre Bekanntschaft mit der Chefredakteurin der kommunistischen Tageszeitung *Kol Haam* (Volksstimme), der 1918 geborenen Polin Esther Wilenska. Sie beschreibt sie als »eine junge, klardenkende Mutter, die ihre Artikel neben der Wiege ihres Babys schrieb«. Lea Grundig geht in ihren Erinnerungen kaum auf die komplizierte Geschichte der KP Palästinas ein. Sie schreibt: »Die Kommunistische Partei ist die einzige Partei Israels, die die Trennung der Juden und Araber leidenschaftlich verneint und um die Einheit der Arbeiterklasse kämpft. In ihr sind Juden und Araber vereint als Genossen, als Klassenbrüder, als Kämpfer.«

Die Partei stand dem UN-Teilungsplan kritisch gegenüber und setzte sich für eine binationale Lösung ein. Auch die Sowjetunion hatte zunächst einen gemeinsamen jüdisch-arabischen Staat befürwortet, stimmte aber, da dies nicht möglich war, der Gründung des Staates Israel zu und erkannte ihn sofort an.

Grundig berichtet, dass sie für die Tageszeitung der KP tätig war, doch Shavit gibt an, in den ihr vorliegenden Ausgaben keine Beiträge von ihr gefunden zu haben. Statt dessen präsentiert sie Artikel Grundigs aus den sozialdemokratischen Zeitungen ihrer Freunde, des Ehepaars Rubaschow, vor allem über Ausstellungen und einzelne Künstler, darunter Marc Chagall, Hermann Struck und Jakob Steinhardt. Auf jeden Fall zeichnete Grundig für die von Arnold Zweig und anderen 1942 gegründete »Liga V«, die sich für die Unterstützung der Sowjetunion im Krieg einsetzte wie auch umgekehrt um deren Unterstützung für die Befreiungsbewegung des jüdischen Volkes warb.

В каталоге выставки практически не упоминается членство Леи Грюндиг в Коммунистической партии Палестины и ее отношения с товарищами. В своих мемуарах художница перечислила своих друзей по коммунистической партии — Ханну Фельдман, сестер Рахель и Рут, а также социальную работницу Эстер. «Мы встречались часто и регулярно, были в партийной группе. (...) Я знаю, что они не забудут меня, как и я не могу забыть их, четырех женщин...»

Она также упоминает тогдашнего Генерального секретаря Коммунистической партии Самуэля Микуниса и сообщает о своем знакомстве с главным редактором коммунистической ежедневной газеты *Кол Хаам* (Volksstimme), Эстер Виленска, 1918 года рождения, из Польши. Она описывает ее как «молодую, здравомыслящую мать, которая писала свои статьи рядом с кроватью своего ребенка». В своих мемуарах Леа Грюндиг едва касается сложной истории Палестинской коммунистической партии. Она пишет: «Коммунистическая партия — единственная партия в Израиле, которая страстно отвергает разделение евреев и арабов и борется за единство рабочего класса. В ней евреи и арабы едины как товарищи, как братья по классу, как борцы».

Партия критиковала план ООН по разделу и выступала за двунациональное решение. Советский Союз также изначально поддерживал создание совместного еврейско-арабского государства, но поскольку это было невозможно, он согласился на создание Государства Израиль и немедленно признал его.

Грюндиг сообщает, что она работала в ежедневной газете Коммунистической партии, но Шавит утверждает, что не нашла никаких ее публикаций в выпусках, которые она опубликовала. Вместо этого она представляет статьи Грюндига из социал-демократических газет ее друзей, супругов Рубашоу, в основном о выставках и отдельных художниках, среди которых Марк Шагал, Герман Штрук и Якоб Штейнхардт. В любом случае, Грюндиг подписал контракт с «Лигой V», основанной Арнольдом Цвейгом и другими в 1942 году, которая выступала за поддержку Советского Союза в войне и, наоборот, за поддержку освободительного движения еврейского народа.

Haltung zu Israel

Im Ausstellungskatalog finden sich vom Herausgeber Gillen zusammengestellte »Historische Stichworte zum Palästina-Konflikt«. Lea Grundig äußerte sich während ihres Exils in ihrer Korrespondenz nicht oder sehr zurückhaltend zur Lage in Palästina; obwohl es offiziell keine Zensur gab, erhielt sie Briefe geöffnet oder schlecht wieder zugeklebt. In einem Schreiben an ihren Mann, das sie im Frühjahr 1948 dem Ehepaar Lerski in die Schweiz mitgab, erläuterte sie, dass seit Monaten »schon eine Art Krieg« herrsche: »Bei der Kleinheit des Landes, den ineinandergefilzten Wohnbezirken ist es so, dass Fronten überall sind. Man schießt die ganzen Nächte, mit Mörsern, Bomben; Explosionen hört man Tag und Nacht. Tel Aviv ist am ruhigsten und sichersten (...). Aber mit dem Abzug der Engländer, dem Datum der Teilung wird es zu schweren Kämpfen kommen. Ringsum die arabischen Staaten schicken lauter »Kämpfer für die Befreiung« Palästinas ins Land.« Es ginge »doch zunächst um einen nationalen Befreiungskampf gegen die Engländer, und überhaupt um einen Kampf um Selbstbehauptung des Juden«. Die Vereinigten Staaten wiederum hätten vor allem Interesse am Erdöl aus dem Irak und Saudi-Arabien; die Ölleitung verlief nach Haifa.

In einem Artikel Lea Grundigs vom Juni 1946 heißt es: »In unserem kleinen Land findet der Vorgang der Entstehung unserer Nation statt, ein starker dynamischer Vorgang, voll von Widersprüchen, der sich von verschiedenen Ursprüngen nährt und der doch verschiedene Elemente zu einem Volk verschmilzt (...). Dies ist das Land unserer Hoffnung, das Land, um das wir kämpfen und mit dem wir kämpfen.« Shavit sieht darin »ihre Beteiligung am zionistischen Projekt und ihr begeistertes Verhältnis dazu«.

Wesentlich kritischer äußerte sich die Künstlerin jedoch über zehn Jahre später in ihren Erinnerungen: »Die Entwicklung Palästinas, die Bildung des Staates Israel machten die chauvinistischen Tendenzen des Zionismus zur Grundlage der Politik dieses Staates. (...) Diese Politik hat viel Schuld daran, dass das Volk in Israel seit den Jahren des großen Weltkrieges, seit der Staatswerdung und dem darauffolgenden arabisch-israelischen Krieg ohne Frieden lebt.« Sie sah die Vereinigten Staaten, aber auch die Vereinten Nationen in der Mitverantwortung für diesen Zustand: »Unter dem Mantel der UNO wurde im israelisch-

Каталог выставки содержит «Исторические ключевые слова о палестинском конфликте», составленные редактором Гилленом. Во время изгнания Лея Грюндиг не комментировала в своей переписке ситуацию в Палестине или делала это очень осторожно; Хотя официально цензуры не было, она получала письма, которые были вскрыты или плохо запечатаны. В письме мужу, которое она передала супругам Лерски в Швейцарии весной 1948 года, она объяснила, что «своего рода война» бушевала уже несколько месяцев: «Учитывая небольшие размеры страны и взаимосвязанные жилые районы, фронты есть везде. Они стреляют всю ночь напролет, из минометов и бомб; взрывы слышны днем и ночью. Тель-Авив — самое тихое и безопасное место (...). Но с уходом англичан, с датой раздела, начнутся ожесточенные бои. Арабские государства со всех сторон посылают в страну «борцов за освобождение» Палестины». Это «прежде всего вопрос национально-освободительной борьбы против англичан и вообще борьбы евреев за самоутверждение». США, в свою очередь, в первую очередь заинтересованы в нефти из Ирака и Саудовской Аравии; нефтепровод шел в Хайфу.

В статье Леи Грюндиг от июня 1946 года говорится: «В нашей маленькой стране происходит процесс создания нашей нации, сильный, динамичный процесс, полный противоречий, который опирается на различные истоки и, тем не менее, объединяет различные элементы в один народ (...). Это земля нашей надежды, земля, за которую мы боремся и с которой мы боремся». Шавит видит в этом «их участие в сионистском проекте и их восторженное отношение к нему».

Однако спустя десять лет художница высказалась в своих мемуарах гораздо более критично: «Развитие Палестины, образование Государства Израиль сделали шовинистические тенденции сионизма основой политики этого государства. (...) Эта политика во многом виновата в том, что народ Израиля живет без мира со времен Великой мировой войны, с момента создания государства и последующей арабо-израильской войны». Она считала, что Соединенные Штаты, а также Организация Объединенных Наций разделяют ответственность за эту ситуацию: «Под прикрытием ООН, в израильско-

arabischen Krieg die Politik der Spiegelfechtereien und des Hin- und Herverhandelns jahrelang betrieben, nur zu dem Zweck, keine Ruhe, keine endgültige Regelung zuzulassen (...) Die Westmächte fürchten hier wie dort nur eines: die Einheit aller Arbeitenden in ihrem Handeln, ihrem Kampf.«

In einem Brief an einen Freund beschrieb Lea Grundig 1957 ihr autobiographisches Projekt wie folgt: »Einen großen Teil will ich der Periode in Israel widmen und dabei versuchen, Israel und die jüdische Problematik unseren Menschen verständlich und nahe zu bringen.«⁷ Zohar Shavit zweifelt prompt an dieser Begründung, denn das könne »der Versuch sein, eine ideologische Rechtfertigung zu finden, um ihre starken Gefühle Israel gegenüber zu tarnen«. Dabei »tarnt« die Künstlerin ihre starken Gefühle an keiner Stelle.

Grundigs Vorhaben, die Bevölkerung der DDR über Israel aufzuklären, muss als aufrichtig und mutig bewertet werden, vor allem angesichts des Anfang der 1950er Jahre in den sozialistischen Ländern entstandenen und von westlichen Geheimdiensten geschürten Misstrauens gegen Westemigranten und »Zionisten«. Ihr Cousin Bruno Goldhammer wurde wegen seiner Kontakte zu Noël Field aus der SED ausgeschlossen und 1954 wegen »Agententätigkeit« zu einer zehnjährigen Zuchthausstrafe verurteilt (jedoch 1956 entlassen).

Sie selbst erhielt niemals eine Besuchserlaubnis für Israel und sah weder ihren alten Vater noch ihre Schwester wieder, ihre geliebten Freunde nur dann, wenn diese ihrerseits in sozialistische Länder reisten. Das war für Lea Grundig zweifellos bitter.

Kathleen Krenzlin, die den Beitrag ihrer Kollegin Shavit vorab kritisch lesen konnte, hebt hervor, »wie dringend notwendig die Zusammenarbeit von israelischen und deutschen Wissenschaftlern« sei, »um Leben und Persönlichkeit der Künstlerin realitätsnäher zu beschreiben« und Informationen auszutauschen. Das wäre in der Tat fabelhaft, muss aber in Anbetracht der skizzierten Umstände wohl reines Wunschdenken bleiben.

Anmerkungen

Арабская война, политика теневых ограждений и двусторонних переговоров продолжались годами, исключительно с целью не допустить мира, окончательного урегулирования (...) Западные державы боятся только одного и здесь, и там: единства всех трудящихся в их действиях, в их борьбе».

В письме к другу в 1957 году Леа Грюндиг описала свой автобиографический проект следующим образом: «Я хочу посвятить большую часть периода в Израиле и попытаться сделать Израиль и еврейскую проблему понятными и доступными нашему народу». Зохар Шавит сразу же сомневается в таком оправдании, говоря, что это может быть «попыткой найти идеологическое оправдание, чтобы замаскировать ее сильные чувства к Израилю». Художница ни в коем случае не «маскирует» свои сильные чувства.

Намерение Грюндига просветить население ГДР об Израиле следует считать искренним и смелым, особенно с учетом недоверия к западным эмигрантам и «сионистам», возникшего в социалистических странах в начале 1950-х годов и подогревавшегося западными спецслужбами. Ее двоюродный брат Бруно Голдхаммер был исключен из СЕПГ из-за своих связей с Ноэлем Филдом и приговорен в 1954 году к десяти годам тюремного заключения за «агентскую деятельность» (но освобожден в 1956 году).

Ей самой так и не дали разрешения посетить Израиль, и она больше никогда не видела своего престарелого отца и сестру, а своих любимых друзей она видела только тогда, когда они, в свою очередь, ездили в социалистические страны. Это, несомненно, было горьким испытанием для Леи Грюндиг.

Кэтлин Кренцлин, у которой была возможность заранее критически оценить вклад своего коллеги Шавита, подчеркивает, «насколько срочно необходимо сотрудничество израильских и немецких ученых» «для более реалистичного описания жизни и личности художника» и обмена информацией. Это было бы действительно замечательно, но, учитывая описанные обстоятельства, это останется лишь благими пожеланиями.

Примечания

1 Chaya H. Roth: The Fate of Holocaust Memories. Transmission and Family Dialogues. New York 2008, S. 83 (Übersetzung: C.F.)

2 Eckhart J. Gillen (Hg.): Ellen Auerbach und Lea Grundig in Palästina 1933 bis 1948. München 2025

3 Vgl. Kathleen Krenzlin (Hg.): »Schreibe mir nur immer viel«. Der Briefwechsel zwischen Hans und Lea Grundig. Ein Werkstattbericht. Berlin 2022

4 Maria Heiner/Tina Mendelsohn: Unter dem Regenbogen. Illustrationen aus hebräischen Kinder- und Jugendbüchern. Ausstellungskatalog. Leipzig 2023

5 Lea Grundig: Gesichte und Geschichte. Berlin 1961, S. 224 f.

6 Zit. n. Gillen (Anm. 2), S. 191

7 Lea Grundig an M. Avi-Shaul, zit. n. ebd., S. 200

Cristina Fischer schrieb an dieser Stelle zuletzt am 14./15. Dezember 2024 über die Kinderbuchautorin Ruth Rewald: »[Eine Frau verschwindet](https://www.jungewelt.de/artikel/489910.kinderliteratur-eine-frau-verschwindet.html?sstr=) (https://www.jungewelt.de/artikel/489910.kinderliteratur-eine-frau-verschwindet.html?sstr=)«.

•

1 Хая Х. Рот: Судьба воспоминаний о Холокосте. Передача и семейные диалоги. Нью-Йорк 2008, стр. 83 (Перевод: СФ)

2 Экхарт Дж. Гиллен (редактор): Эллиен Ауэрбах и Леа Грюндиг в Палестине, 1933–1948 годы. Мюнхен, 2025 г.

3 См. Кэтлин Кренцлин (ред.): «Просто пиши мне почаще». Переписка Ганса и Леи Грюндиг. Отчет о семинаре. Берлин 2022

4 Мария Хайнер/Тина Мендельсон: Под радугой. Иллюстрации из детских и юношеских книг на иврите. Каталог выставки. Лейпциг 2023

5 Леа Грюндиг: Истории и история. Берлин 1961, стр. 224 ф.

6 Цитата из Гиллена (примечание 2), стр. 191

7 Леа Грюндиг М. Ави-Шаулю, цитируется там же, стр. 200

Кристина Фишер последний раз писала здесь 14/15. Декабрь 2024 г. о детском авторе книг Рут Ревальд: »Женщина исчезает (<https://www.jungewelt.de/artikel/489910.kinderliteratur-eine-frauverschwindet.html?sstr=>) «.

•